

**РЕКРУТИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ПРИБАЛТИКЕ:
РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО
ФАКТОРА**

В. А. Смирнов*

Вопрос о роли этнического фактора в политическом процессе Литвы, Латвии и Эстонии актуален в течение всего периода, последовавшего за провозглашением независимости этих стран. Автор исследует вопрос, можно ли сказать, что после завершения основных евроинтеграционных процедур этнический фактор, столь остро проявившийся в республиках Прибалтики после провозглашения ими независимости, теперь отошел на периферию политической жизни?

Вскоре после провозглашения независимости властные группы Литвы, Латвии и Эстонии столкнулись с проблемой формирования гражданского общества, создания политического режима, базирующегося на демократических процедурах. Процессы элитного рекрутирования в этих странах в значительной степени обусловил фактор этнической гомогенности социальной структуры общества. Рассматривается процесс формирования элитных групп в странах Балтии через призму этнического фактора. Автор, опираясь на этнополитологический подход, делает вывод о том, что существующие де-факто, например, в Латвии и Эстонии барьеры для нетитульных групп населения, препятствующие их попаданию во властные структуры, «замораживают» систему элитного рекрутирования. При условии значительного роста социального недовольства это может отрицательно сказаться на внутривнутриполитической стабильности в указанных странах.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в научной, образовательной и практической сферах принятия ими решений, связанных с взаимодействием с представителями политических элит Литвы, Латвии и Эстонии.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 01.07.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-4-10

© Смирнов В. А., 2013

Ключевые слова: элиты, этнические группы, власть, рекрутирование, страны Балтии

Вопрос о различных аспектах участия этнических групп в политических процессах активно дебатруется в политической науке последней четверти века. Применительно к Литовской, Латвийской и Эстонской республикам тема роли этнического фактора в политике данных стран актуальна в течение всего периода, последовавшего за провозглашением ими независимости. Но можно ли сказать, что после завершения основных евроинтеграционных процедур этнический фактор, столь остро проявившийся в республиках Прибалтики в названный период, теперь отошел на периферию политической жизни?

Опираясь на этнополитологический подход¹, проанализируем реальную практику политического взаимодействия в Литве, Латвии и Эстонии, уделяя особое внимание специфике рекрутирования политических элит². По мнению В. Тишкова, распад СССР более напоминал мятеж провинций против центральной власти, нежели политически и юридически корректную процедуру оформления их государственной независимости. А политическая легитимность данному процессу была придана с помощью «народных» (точнее, этнонационалистических) движений, в частности народных фронтов Прибалтийских республик. Именно они сформулировали «идеологию распада», элементы которой затем были подхвачены националистическими движениями в союзных республиках и ряде автономий внутри России. Важную роль в идеологическом обосновании предстоящего распада сыграла подмена понятия «нация» понятием «этнос» [7, с. 154].

После того как эйфория, вызванная провозглашением независимости, прошла, властные группы Литвы, Латвии и Эстонии столкнулись с проблемой формирования гражданского общества, создания политического режима, базирующегося на демократических процедурах. На процессы элитного рекрутирования в этих странах заметно повлиял фактор этнической гомогенности социальной структуры общества. Данные о составе населения всех трех стран за последние 25 лет приведены в таблице 1.

В Литве литовская этническая группа составляет подавляющее большинство, а две другие крупные группы — поляки и русские³. Состав населения Литовской Республики за весь советский период существенных изменений не претерпел. По данным переписи 1959 г., в Литве проживало 79,3% литовцев, в 1989 г. — 79,6%. В тот же период в двух других республиках доля титульного населения падала: в 1959 г. эстонцев в Эстонии было 74,6%, в 1989 г. — 61,5%; латышей в Латвии — соответственно 62 и 52% [2]. При стабильном в целом удельном весе

¹ О высокой эвристической ценности этнополитологического подхода при осмыслении различных событий в сфере этнонациональных отношений, анализе причин, форм и способов намеренной политизации этничности см. подробнее работы В. Тишкова [5—7].

² Элиты в данном случае рассматриваются не с ценностных, а с функциональных позиций — как лица, способные оказывать решающее влияние на принятие/непринятие ключевых для общества решений.

³ Исследователи отмечают, что в целом крупнейшие этнические меньшинства (поляки и русские) положительно предрасположены к интеграции в литовское общество, хотя и демонстрируют при этом различные стратегии адаптации. — См. подробнее: [11].

титульной нации количество литовцев во власти неуклонно росло. Особая роль в этом процессе принадлежала А. Снечкусу, возглавлявшему Компартию Литвы с 1936 по 1974 г. Он пользовался существенным авторитетом у советского руководства, благодаря чему ему удалось минимизировать размещение на литовской территории крупных производств, строительство и работа которых влекли за собой переезд в республику значительного числа граждан СССР нелитовской национальности. С 1953 по 1990 г. количество въехавших в республику мигрантов составило 1,09 млн человек [16].

Таблица 1

Население стран Балтии, 1989—2011 гг.⁴, млн чел. / %

Страна	1989	2000	2011
Литва:			
Всего населения	3,674/100	3,484/100	3,244/100
В том числе:			
литовцев	2,924 / 79,6	2,907 / 83,5	2,721 / 83,9
русских	0,344 / 9,40	0,219 / 6,3	0,174 / 5,4
Латвия:			
Всего населения	2,666	2,377	2,070
В том числе:			
латышей	1,387 / 52,0	1,370 / 57,7	1,284 / 62,1
русских	0,905 / 34,0	0,703 / 29,6	0,556 / 26,9
Эстония:			
Всего населения	1,565	1,370	1,340
В том числе:			
эстонцев	0,963 / 61,5	0,930 / 67,9	0,924 / 69,0
русских	0,474 / 30,3	0,351 / 25,6	0,341 / 25,5

В Литве отмечается несколько ареалов компактного проживания различных этнических групп. Восточная Литва мультиэтнична: половина населения — литовцы, одна треть — поляки; пятая часть — белорусы и десятая — русские. В Шальчининкяе абсолютное большинство составляют поляки — 79,5%, литовцы — 10,4%, русские — 5%, в Вильнюсском регионе поляков насчитывается 61,3%; литовцев — 22,4%; русских — 8,4%. Русские живут главным образом в Зарасае, Тракае, Висагинасе.

Результаты различных исследований, а также итоги электоральных кампаний показывают, что этнические меньшинства слабо участвуют в политической жизни современной Литвы⁵. Их присутствие в струк-

⁴ По данным национальных переписей населения (количество украинцев, белорусов, евреев, цыган и представителей прочих групп не отражено).

⁵ Избирательным законом, принятым в 1992 г., введен специальный нижний порог для формирования парламентского представительства русских и польских меньшинств на основе политических партий, участвующих в выборах по пропорциональной системе: общий порог составлял 4%, для этнических партий — 2%. В 1996 г. в закон были внесены изменения, согласно которым общий порог для партий увеличен до 5%, для избирательных объединений — до 7%, а для этнических меньшинств отменен.

турах высокого политического уровня, в правительственных учреждениях также незначительно. Если представители этнических меньшинств и попадают в органы госвласти, то в лучшем случае в Сейм, как правило, пользуясь для этого поддержкой «обычных» партий⁶, т. е. тех, кто не декларирует главной целью своей деятельности отстаивание прав этнических меньшинств. Анализ персонального состава всех кабинетов министров с начала обретения Литвой независимости показывает, что на министерских должностях представители этнических меньшинств оказывались в единичных случаях⁷. Чаще они работали в органах власти на муниципальном уровне. Польская община, например, традиционно представлена в регионах Вильнюса и Шальчининкяй, а русская — в Клайпеде и Висагинасе. Партии этнических меньшинств немногочисленны (500—1000 человек), их влияние на органы власти весьма незначительно (как из-за количества, так и с точки зрения занимаемых властных позиций), что не позволяет рассматривать членов этих партий как полноценный канал рекрутирования политической элиты [10].

В период провозглашения независимости Литовская Республика имела довольно четко структурированную политическую элиту, «костяк» которой составляли члены Компартии — номенклатура, рекрутируемая преимущественно из представителей титульной части населения. Если в 1945 г. среди членов Компартии Литвы насчитывалось чуть больше 30% литовцев, то в 1952 г. их количество выросло до 38%, а к середине 1980-х — до 70%. Этот показатель применительно к административно-управленческим должностям составлял 91,5% [13].

Ни в Латвии, ни в Эстонии удельный вес титульных наций среди элитных групп не был столь же существенным. К середине 1980-х гг. в Латвии количество латышей, состоявших в Компартии, не достигало 40%, а в Эстонии едва превышало 50%. Среди бюрократического корпуса латышей было 63,1%, эстонцев — 82,2% [17]. В советский период количество литовцев в политической элите Литвы оставалось стабильно высоким, а представители иных групп находились в меньшинстве⁸.

⁶ Союз русских Литвы выступал в коалиции с Социал-демократической партией Литвы на парламентских выборах в 2000 г. По итогам парламентской кампании 2012 г. в Сейм попали лидеры Союза русских Литвы — брат и сестра С. Дмитриев и Л. Дмитриева, которые баллотировались совместно с Партией труда. До этого они (также вдвоем) работали в горсовете Вильнюса. Представитель же «Русского альянса» И. Розова в 2012 г. смогла попасть в Сейм, баллотируясь от Избирательной акции поляков Литвы — партии, ориентированной на защиту именно польского меньшинства и вошедшей в правящую правительственную коалицию.

⁷ В то же время не может быть проигнорирован пример русского по происхождению известного литовского политического деятеля, лидера Партии труда, экс-члена Европейского парламента В. Успаских, который в 2004—2005 гг. занимал должность министра экономики.

⁸ Однако было бы заблуждением считать столь высокий удельный вес титульной нации среди политической элиты свидетельством безусловной поддержки советского строя со стороны литовцев. За фасадом Компартии Литвы как

К моменту распада Советского Союза Литва подошла с элитой, гомогенной по этническому признаку: фактические рычаги руководства находились у литовской по национальности элиты, которая принимала решения в соответствии с линией Компартии, но все же пользовалась значительной автономией. В конце советского периода Литва, хотя юридически и подчинялась Москве, но фактически управлялась именно литовской элитой, даже более национально однородной, чем в межвоенный период [8].

В Эстонии и Латвии после провозглашения независимости ключевой линией политического размежевания стала именно этническая принадлежность. Создание эксклюзивного «жизненного пространства» для титульной группы населения существенно затрудняло, если не блокировало вовсе возможности вертикальной мобильности для принадлежащих к меньшим этническим группам⁹. Латвийский исследователь Ю. Розенвалдс, не выделяя русских в отдельную группу, использует укрупненную общность — «восточные славяне» (табл. 2) [3].

Таблица 2

Соотношение групп населения в Латвии и Эстонии в XIX—XXI вв., %

Страна	1897	1922—1925	1934—1935	1959	1979	1989	2000	2009—2011
Латвия:								
латыши	68	73,4	75,5	62	53,7	52	57,7	59,5
восточные славяне	12	12,6	12,1	30,9	40	42	36,4	33,3
Эстония:								
эстонцы	91	87,6	88,1	74,6	64,7	61,5	67,9	68,7
восточные славяне	4	8,2	8,2	22,3	32	35,2	29	28,9

идеологического монолита (и не только Литвы, но и Латвии, Эстонии) скрывалось реальное к ней отношение, выражающееся, по мнению А. Штротаса, в «тотальном отрицании победы коммунизма над балтийскими народами». — См. подробнее: [16].

⁹ Литва избрала так называемый «нулевой» вариант гражданства, предоставляя его всем, кто к моменту провозглашения независимости проживал в Литве и изъявил желание такое гражданство получить. В результате у подавляющего большинства представителей русской общины — литовское гражданство. Свою роль здесь сыграла не только добрая воля литовских политических элит, но и непропорционально весомое (по сравнению с общим количеством русских среди населения Литвы) участие русских в деятельности «Саюдиса» в переломные годы. Именно в этот период формировалась концептуальная модель закона о гражданстве, во время обсуждения которой представители русской общины и смогли отстоять свои интересы. — См. подробнее: [14].

Столь существенные для титульных групп Эстонии и Латвии демографические изменения привели и к серьезной трансформации настроений в обществе: многие латыши и эстонцы стали ассоциировать, практически отождествлять «русское» и «советское», автоматически возлагая ответственность за советский период на послевоенных мигрантов. В известной мере этому способствовал и тот факт, что в компартиях прибалтийских республик удельный вес восточных славян в послевоенные годы существенно превышал их удельный вес в общем населении Литвы, Латвии и Эстонии (количество членов компартии титульной национальности — соответственно 69, 39 и 52 %).

Следует указать и на существенные различия между Эстонией и Латвией в специфике формирования русскоязычных общин, так как это и в настоящее время оказывает влияние на характер и перспективы их участия в политическом процессе. Община в Латвии исторически более многочисленная, а также более организованная, что показывает опыт проведения в 2012 г. референдума о придании русскому языку государственного статуса, а затем и выборов в 2013 г. в так называемый «Парламент непредставленных». Говоря о традиции расселения, необходимо отметить, что в Эстонии русские преобладают, как правило, в северо-восточной части страны (например, в Нарве количество эстонцев не превышает 4 %) и в Таллине (восточные славяне составляют около 44 % населения). Учитывая, что на остальной территории Эстонии проживает титульное население, такая сегментация объективно препятствует как возможной интеграции двух этнических общин, так и консолидации русских для участия в политическом процессе. В Латвии русскоязычное население распределено более равномерно. Всего там насчитывается около 800 тыс. русскоязычных жителей, или 35 % (при общей численности населения Латвии 2,2 млн человек). Основные районы их проживания — Рига (43 % от общей численности населения города), Даугавпилс (55 %), Резекне (49 %), Юрмала (36 %), Лиепая (34 %), Вентспилс (32 %), Елгава (30 %).

Во время так называемой «поющей революции» в Эстонии и Латвии активно дебатировались две модели провозглашения независимости. Первая, продвигаемая народными фронтами, условно именуется «социально-реалистической», так как она стремилась учесть послевоенные реалии и получить поддержку широких народных масс (вне зависимости от их национальной принадлежности). Вторая модель — «легалистская» (отстаивалась так называемыми гражданскими комитетами), в ее основе лежал тезис о противоправном характере советской власти, и все послевоенные переселенцы ставились вне закона, что вычеркивало их из активной политической жизни. Когда, например, власти прибалтийских республик стали в феврале — марте 1991 г. выяснять мнение местного населения (параллельно с инициированным М. Горбачевым всесоюзным референдумом о сохранении СССР) по вопросу о независимости (в Литве и Латвии это считалось избирательной кон-

сультацией, в Эстонии — референдумом), то в Эстонии право голоса получили граждане довоенной республики, их прямые потомки, а также те лица, которые сделали устное заявление о своей поддержке ее независимости и получили от «гражданских комитетов» так называемые «зеленые карточки» (около 25 тыс. человек) [15].

Первое поколение руководителей Народного фронта Латвии уделяло большое внимание работе с русскоязычной частью населения, в результате чего идея независимости одобрялась латвийскими русскими. В 1991 г. ее поддерживали 94% латышей и 38% русских. Именно то обстоятельство, что две трети русского населения относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, и стало решающим фактором, позволившим стране достичь независимости мирным путем. Но многие обещания, данные в годы «поющей революции», не были выполнены после достижения независимости Латвией и Эстонией, политическое руководство которых восстановило в правах граждан довоенных республик, а послевоенные приезжие и их потомки лишались политических прав. Элиты Латвии и Эстонии пренебрегли социально-реалистической моделью, предпочтя «легалистский» путь. Возможность значительной части русскоязычных общин Эстонии и Латвии участвовать в происходящих в республиках процессах, влиять на политическую ситуацию оказалась существенно (вплоть до маргинализации конкретных политических лидеров) ограничена [3].

По мнению латвийских ученых Б. Зепы и И. Супуле, представители политической элиты, препятствуя общественной интеграции, усиливают напряженность в обществе: «Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором этнической напряженности» [1, с. 9]. Эта точка зрения была сформулирована ими по итогам исследования «Этнополитическая напряженность в Латвии. Поиски путей разрешения конфликта», проведенного еще в 2005 г. Однако и сейчас данное заявление, как показали итоги муниципальных выборов в Латвии в июне 2013 г., абсолютно уместно.

В основе проблемы участия русских в политической жизни Латвии и Эстонии лежит не просто этнический фактор — он еще и отягощен проблемой гражданства. Сами «неграждане» появились здесь в результате провозглашения независимости в 1991 г. В случае Латвии юридическим основанием для возникновения данной категории населения стал принятый 12 октября 1991 г. Верховным советом ЛР закон «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации». Гражданство было предоставлено только гражданам довоенной ЛР и их потомкам. Лица, не входящие в эту категорию, не получали латвийского гражданства. Правовое оформление статуса «неграждан» было завершено 12 апреля 1995 г. принятием закона «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии

или иного государства». К «негражданам» отнесены бывшие граждане СССР, не имеющие к моменту принятия закона никакого иного гражданства и отвечающие следующему юридическому требованию: «1 июля 1992 г. они были, вне зависимости от статуса указанной в прописке жилой площади, прописаны на территории Латвии, или их последнее зарегистрированное место жительства до 1 июля 1992 г. было в ЛР, или решением суда установлен факт того, что до упомянутой даты они не менее 10 лет непрерывно жили на территории Латвии». Сюда же относились и их дети, не получившие никакого гражданства.

В результате применения упомянутого выше «легалистского» подхода количество бывших граждан СССР, не получивших гражданство автоматически, составило около 715 тыс. человек в Латвии (процесс натурализации начался в 1995 г.) и около 500 тыс. человек в Эстонии (процесс натурализации начался в 1992 г.). Им выданы спецпаспорта, подчеркивающие их отдельный правовой статус: фиолетовые — в Латвии, серые — в Эстонии. Максимум натурализационных запросов в Эстонии пришелся на 1993—1997 гг. С 1995 г., когда в Латвии началась процедура натурализации, латвийское гражданство в ее рамках получили около 138 тыс. жителей. По данным Управления по делам гражданства и миграции Латвии, в 2012 г. в стране было зарегистрировано более 312 тыс. неграждан. Львиную долю из них составляют русские (более 205 тыс. человек), около 42 тыс. — белорусы, 30 тыс. — украинцы, 8 тыс. — литовцы и менее 0,5 тыс. — эстонцы. После непродолжительного всплеска предоставления гражданства в 2005—2006 гг. (в 2005 г. его получили 19,1 тыс. заявителей, в 2006 г. — 15,1 тыс.) произошло резкое падение: в 2007 г. латвийскими гражданами стали 6,8 тыс. человек, в 2008-м — чуть более 3 тыс., в 2009-м — 2 тыс. В последние годы темпы натурализации значительно снизились: в 2010 г. — 1,16 тыс. человек в Эстонии и 2,33 тыс. в Латвии. Успешное прохождение всех натурализационных испытаний еще не гарантирует получение статуса гражданина Латвии: так, в 2004 г. правительство этой страны отказало в гражданстве активисту оппозиционной партии «За права человека в единой Латвии» Ю. Петропавловскому, хотя он прошел процедуру натурализации в соответствии с латвийскими законами.

«Неграждане» Латвии отстранены от участия в политической жизни страны: не имеют избирательных прав ни на парламентских, ни на местных выборах (в отличие, например, от Эстонии, где институт «негражданства» также существует, однако там «неграждане» имеют право избирать муниципальные органы власти). При этом в сентябре 2004 г. Сейм Латвии утвердил поправки к Конституции страны, дающие право участия в муниципальных выборах постоянно проживающим в Латвии гражданам Европейского союза. «Неграждане» лишены и ряда социальных и экономических прав — насчитывается до 80 различий в правах граждан и неграждан (в 2004 г. было 61 различие, в 2006-м — 70), в том числе 47 ограничений на профессии (в 2004 г. — 25 ограничений)¹⁰. «Неграждане», в частности, не имеют права быть государствен-

¹⁰ См. подробнее интернет-ресурс *Конгресса* неграждан Латвии (www.kongress.lv).

ными, в том числе муниципальными служащими, занимать посты на военной службе, быть судьями, прокурорами, права учреждать политические партии. «Неграждане», как и граждане, обязаны платить все начисляемые им налоги, но лишены при этом политического представительства. Таким образом, в рамках построения «латышской Латвии» игнорируется классический принцип «No taxation without representation». Это позволяет определить сложившийся в Латвии режим как «этнократия» — политически доминирующая этническая группа «приватизирует» государство для себя [7, с. 144—145].

Дискриминацию и массовое нарушение прав человека в Латвии отмечали в своих докладах профильные структуры и эксперты ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ПАСЕ, Еврокомиссии, фонда «Амнести Интернешл». Они ссылались, в частности, на нарушение Латвией Всеобщей европейской конвенции по правам меньшинств 1994 г., Гаагских рекомендаций по правам меньшинств на образование 1996 г., Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г. и т. д. В мае 2005 г. Сейм Латвии ратифицировал Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств с двумя оговорками, отменяющими положения конвенции, которые предоставляют национальным меньшинствам возможность общаться на родном языке с властями в местах их компактного проживания и использовать родной язык в топографических названиях. Дополнительной декларацией из сферы действия конвенции практически были выведены все русскоязычные постоянные жители Латвии, имеющие статус «неграждан».

В Латвии вопрос о необходимости допуска «русских во власть» активно дебатруется в политико-экспертном сообществе на протяжении уже многих лет, однако на практике политическая мобильность существенно затруднена ограничениями именно этнического свойства. Прорвать брешь в кажущейся монолитной стене этнической герметизации русскоязычные пытались неоднократно. В основном эти попытки могут быть соотнесены с деятельностью двух политических объединений — Центр согласия (ЦС) и «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ).

ЗаПЧЕЛ считает «единственным морально оправданным способом возвращения негражданам политических прав» признание их гражданами Латвии единовременным законодательным актом, поддерживает любые промежуточные шаги в этом направлении: «нулевой вариант» для отдельных категорий «неграждан», допуск к участию в муниципальных выборах, упразднение ограничений для натурализации и упрощение ее процедуры. ЗаПЧЕЛ выступает за отмену ограничений на участие в управлении государством и запретов на ряд профессий. Партия не представлена в Рижской думе и Сейме, есть лишь депутат от ЗаПЧЕЛ в Европейском парламенте — Т. Жданок, полномочия которой истекают в мае 2014 г. Результаты муниципальной кампании 2013 г. оказались для этой партии провальными.

ЦС выступает за ускорение и облегчение натурализации, содействие интеграции «неграждан» за счет расширения их прав, включая право выбирать представителей в органы местного самоуправления, на-

стаивает на свободном выборе языка образования в школах, на адаптации системы госуправления к мультикультурному обществу Латвии. ЦС с 2009 г. удерживает большинство в Рижской городской думе, мэром города является русский по происхождению гражданин Латвии Нил Ушаков. ЦС имеет крупнейшую фракцию в Сейме по итогам выборов 2011 г., однако к формированию правительства он не был допущен в результате объединения «латышских» партий — «Единство», Партия реформ и национально ориентированная «Все Латвии — Отечеству и свободе / Движение за независимую национальную Латвию» (ВЛ-ОС/ДННЛ). Несмотря на лучший результат по итогам парламентской кампании, Центр согласия усилиями коалиции оппонентов отеснен от возможности принятия ключевых политических решений. Лидеры ЦС в феврале 2012 г. поддержали референдум о придании русскому языку статуса государственного в Латвии, приведший к внутривнутриполитическому кризису. В марте 2013 г. начала свою деятельность новая общественная организация — Конгресс неграждан, который, сформировав «парламент непредставленных», рассчитывает на поддержку здравых политических сил страны. Этнический фактор продолжает играть существенную роль в политическом процессе Латвии, не исчезая из повестки дня.

Аналогичным образом это проявляется и в Эстонии, где 68% населения относятся к эстонцам, а 32% — к этническим меньшинствам. После провозглашения независимости принцип равного демократического участия для нацменьшинств был отвергнут правящими группами — демократический идеал представительства меньшинств воспринимался как прямая угроза национальной независимости [2]. Лишь спустя десятилетия предпринята, как полагают эстонские исследователи Л. Калев и Р. Руутсоо, попытка перестройки парадигмы от этнически централизованной к либеральной (гражданской) модели [9]. В основе действий эстонских властей в отношении русскоязычного меньшинства декларируется политика интеграции. Как результат — в постсоветское время ни одна русскоязычная партия не смогла избраться в парламент Эстонии, действуя самостоятельно. Лучший результат — 6 мест в Рийгикогу в 1995 и 1999 гг., когда Русская партия Эстонии (РПЭ) входила в альянс «Наш дом — Эстония» (РПЭ прекратила свое существование в 2012 г., влившись в Социал-демократическую партию Эстонии). Как правило, русскоговорящие избиратели голосуют в Эстонии за Центристскую партию, возглавляемую мэром Таллина Э. Сависааром [18]. Как и в Латвии, эстонские центристы, получая существенную электоральную поддержку, тем не менее оказываются в изоляции — в правящую коалицию они не были допущены ни в 2007 г., ни в 2011-м: представление политических интересов русских наталкивается на стену подозрения со стороны титульной группы, удерживающей превосходство в элитном сегменте общества уже четверть века [12].

Этнический фактор существенным образом влияет как на политический процесс в Латвии, Литве и Эстонии, так и на формирование элитных групп в этих странах. Несмотря на то что после провозглашения независимости прошли десятилетия, этническая проблематика не теря-

ет своей остроты, делая правомерной постановку вопроса о «герметизации» социальных лифтов в условиях этнократических режимов, о «заморозке» системы элитного рекрутирования, что не может не отражаться на качестве внутригосударственного управления и на специфике отношений стран Балтии с Россией. Неэффективные действия в этнополитической сфере (затягивание решения проблемы «неграждан»), «капсулирование» системы элитного рекрутирования в рамках узкого понимания нации (ущемление избирательных прав «чужаков», недопущение их к участию в политическом управлении) хотя и дает правящим группам привилегированный доступ к власти, что обеспечивает им своего рода «стабильность» внутривнутриполитической жизни, однако в перспективе чревато ростом социальной напряженности. О ее нарастании свидетельствует появление «снизу» организаций вроде Конгресса неграждан в Латвии.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 13-03-00415 «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы».

Список литературы

1. *Зена Б., Супуле И.* Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 34 (239).
2. *Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.).* М., 1991.
3. *Розенвалдс Ю.* Русскоязычное меньшинство в политической элите Латвии и Эстонии: перспективы «(де)герметизации» // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград, 2012.
4. *Руус Ю.* Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах. Случай Эстонии // Там же.
5. *Тишков В.* Очерки политики этничности в России. М., 1997.
6. *Тишков В.* Этнология и политика : научная публицистика. 2-е доп. изд. М., 2004.
7. *Тишков В. А., Шаббаев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011.
8. *Фурман Е. Д.* Становление партийной системы в постсоветской Литве. М., 2009.
9. *Kalev L., Ruutsoo R.* Citizenship policies between Nation-state building and Globalization: Attitudes of the decision Makers in Estonia // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 2, № 1.
10. *Kasatkina N., Beresnevičiūtė V.* Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania // Ethnicity Studies. Lithuanian Social Research Centre. Eugrimas. 2010. № 1—2.
11. *Kasatkina N., Leončikas T.* Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius, 2003.
12. *Kruusvall J., Vetik R., Berry J.* The Strategies of Interethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition and Societies 2009. Vol. 1, № 1.
13. *Misiunas R. J., Taagepera R.* The Baltic States: Years of dependence, 1980—1986 // Journal of Baltic Studies. 1989. Vol. 20, № 1.

14. *The Baltic States after Independence* / ed. O. Norgaard. Cheltenham, 1996.
15. *Rozenvalds J.* Latvia After Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // *Latvijas Universitātes Raksti*. 663. sēj. Rīga, 2004.
16. *Shtromas A.* The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions // *The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania* / ed. Gr. Smith. L., 1994.
17. *Smith G.* The resurgence of nationalism // *The Baltic states: the national self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania*. Basingstoke, 1994.
18. *Vihalemm T.* Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia // *Identities, nations, and politics after Communism* / ed. R. E. Kanet. Routledge, 2008. P. 77.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Smirnov.kaliningrad@gmail.com

THE POLITICAL ELITE RECRUITMENT IN THE BALTIC: THE ROLE OF THE ETHNIC FACTOR

V. Smirnov*

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14, A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Received on July 1, 2013

The role of the ethnic factor in political processes in Lithuania, Latvia, and Estonia has been rather significant since these countries' independence. The author investigates the assumption that after the completion of major Eurointegration procedures, the ethnic factor — which became especially important in the Baltics after independence — relegated to the periphery of political life.

After a period of 'independence-induced euphoria' faded, Lithuanian, Latvian, and Estonian power groups had to tackle the problem of civil society formation and the development of a political regime based on democratic procedures. In these countries the processes of elite recruitment were largely affected by the factor of ethnic homogeneity of the social structure. This article analyses the process of elite group formation in the Baltics through the lens of the ethnic factor. By applying the ethnopolitical approach, the author concludes that the de facto barriers to non-titular population groups entering power structures, which exist in Latvia and Estonia, "freeze" the system of elite recruitment. In the conditions of increasing social unrest, it may have an adverse effect on the overall political stability in these countries.

The results obtained can be used for research, educational, and practical purposes. In the field of research and education, they can be employed in further re-

search on the transformation of the elite structure in the Baltics in view of the ethnopolitical factor, including comparative analysis of the elite re-grouping processes, as well as in developing corresponding university courses. As to the practical aspect, the results obtained can be used by the authorities of the Russian Federation in making decisions regarding interaction with the representatives of Lithuanian, Latvian, and Estonian political elites.

Key words: elites, ethnic groups, power, recruitment, Baltics

References

1. Zepa, B., Supule, I. 2005, Latvijas kaja submarina [Latvian submarine], *Ekspert Severo-Zapad* [Expert North-West], 12—18 Sept., no. 34 (239), p. 9.
2. *Nacional'nyj sostav naselenija SSSR (po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989)* [The national structure of the population of the USSR (according to the Soviet census of 1989)], 1991, Moscow, Finansy i statistika.
3. Rozenvalds, Ju. 2012, Russkojazychnoe men'shinstvo v politicheskoj elite Latvii i Estonii: perspektivy «(de)germetizacii» [Russian-speaking minority in the political elite of Latvia and Estonia: Perspectives "(de) sealing"]. In: Gaman Golutvina, O. V., Klemeshev, A. P. (eds.) *Politicheskie elity v staryh i novyh demokratijah* [Political elites in old and new democracies], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, p. 215.
4. Ruus, Ja. 2012, Elity etniceskih men'shinstv v postkommunisticheskih stranah. Sluchaj Estonii [The elites of ethnic minorities in post-communist countries. The case of Estonia]. In: Gaman Golutvina, O. V., Klemeshev, A. P. (eds.) *Politicheskie elity v staryh i novyh demokratijah* [Political elites in old and new democracies], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, p. 226.
5. Tishkov, V. 1997, *Očerki politiki jetnichnosti v Rossii* [Essays on politics of ethnicity in Russia], Moscow.
6. Tishkov, V. 2004, *Etnologija i politika: Nauchnaja publicistika* [Ethnology and Politics: Science publicism], Moscow.
7. Tishkov, V. A., Shabayev, Yu. P. 2011, *Etnopolitologija: politicheskie funkcii etnichnosti* [Ethnopolitology: the political functions of ethnicity], Moscow, Moscow University Publishing House.
8. Furman, E. D. 2009, *Stanovlenie partijnoj sistemy v postsovetsoj Litve* [The formation of the party system in post-Soviet Lithuania], Moscow, Knizhnyj dom «Librokom».
9. Kalev, L., Ruutsoo, R. 2009, Citizenship policies between Nation-state building and Globalization: Attitudes of the decision Makers in Estonia, *Studies of Transition States and Societies*, Vol. 2, no. 1.
10. Kasatkina, N., Beresnevičiūtė, V. 2010, Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania, *Ethnicity Studies*, Lithuanian Social Research Centre, Eugrimas, no. 1—2.
11. Kasatkina, N., Leončikas, T. 2003, *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*, Vilnius: Socialinių tyrimų institutas, Eugrimas.
12. Kruusvall, J., Vetik, R., Berry, J. 2009, The Strategies of Interethnic adaptation of Estonian Russians, *Studies of Transition and Societies*, Vol. 1, no. 1.
13. Misiunas, R. J., Taagepera, R. 1989, The Baltic States: Years of dependence, 1980-1986, *Journal of Baltic Studies*, Vol. 20, no. 1.

14. Norgaard, O. (ed.) 1996, *The Baltic States after Independence*, Cheltenham.
15. Rozenvalds, J. 2004, Latvia After Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality, *Latvijas Universitātes Raksti*, 663, sēj, Rīga.
16. Shtromas, A. 1994, The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions. In: Smith, Gr. (ed.) *The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania*, London.
17. Smith, G. 1994, The resurgence of nationalism. In: *The Baltic states: the national self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania*, Basingstoke, Macmillan.
18. Vihalemm, T. 2008, Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia. In: Kanet, R. E. (ed.) *Identities, nations, and politics after Communism*, Routledge, p. 77.

About the author

Dr Vadim Smirnov, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Smirnov.kaliningrad@gmail.com